

СКАЗКИ АНДЕРСЕНА

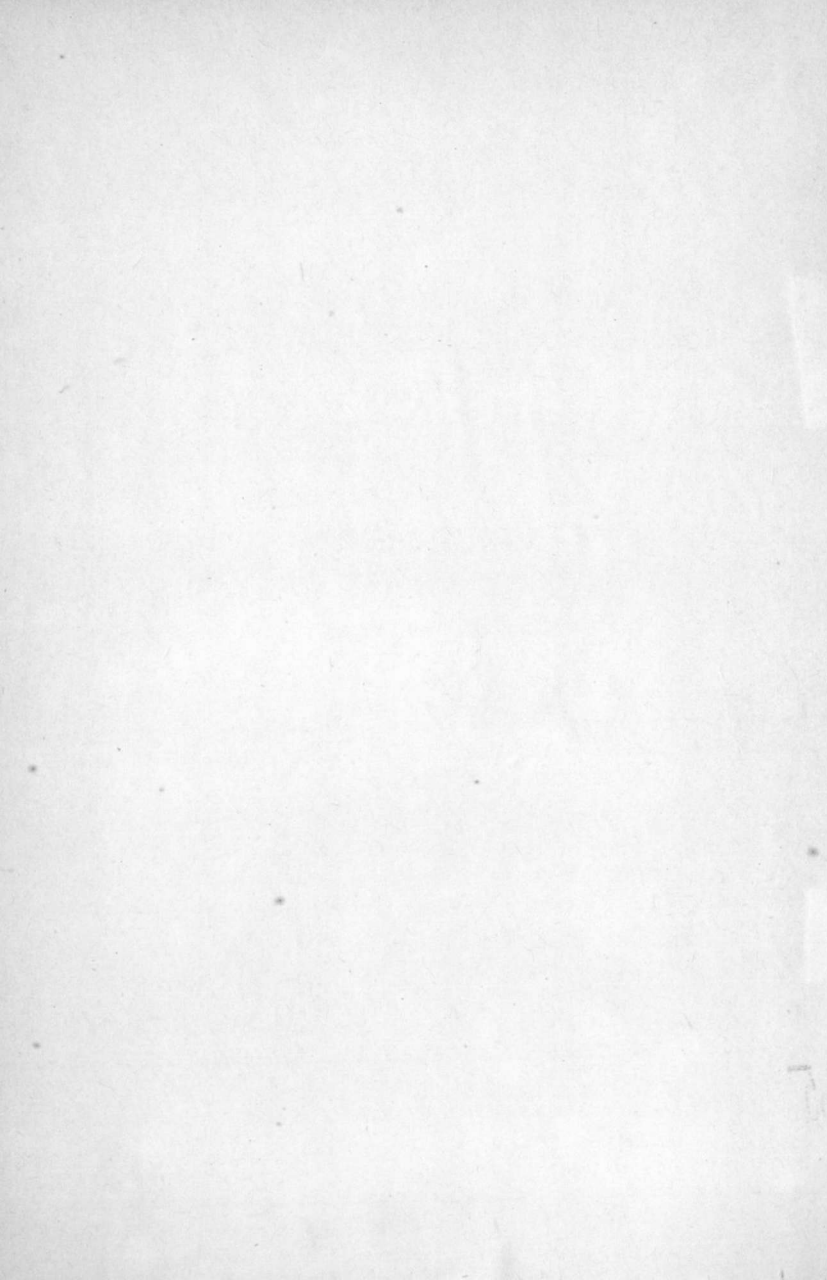
Дѣвочка со спичками.

Старый домъ.

Бронзовый кабанъ.

1918.

ИЗДАНИЕ I. КНЕБЕЛЬ. МОСКВА

25384.

A-65

Дѣвочка со спичками.

Въ темный и холодный вечеръ, наканунѣ Новаго года, по улицѣ тихо брела маленькая дѣвочка. Ея головка была не покрыта, и ея густыми хлопьями покрывалъ ея роскошные бѣлокурые волосы; ноги были босы и совсѣмъ посинѣли отъ холода.

Изъ дому она вышла въ башмакахъ, но башмаки эти принадлежали матери и были такъ велики, что свалились съ ногъ, когда она перебѣгала улицу, спасаясь отъ экипажей; одинъ башмакъ такъ и пропалъ, а другимъ завладѣлъ какой-то мальчикъ, увѣряя со смѣхомъ, что сохранитъ его на люльку для своихъ будущихъ дѣтей. Такъ и пришлось идти босикомъ.

Усталая, дрожа отъ холода и голода, бѣдняжка предлагала прохожимъ спички, которыми былъ наполненъ ея старенькій фартукъ,—но никто, рѣшительно никто не хотѣлъ купить у нея въ этотъ вечеръ ни одной пачки, никто не далъ ей ни одного гроша!

А въ окнахъ домовъ повсюду горѣли огни, сіяли елки; на улицу несся вкусный запахъ жареныхъ гусей; вѣдь это былъ сочельникъ, и люди веселились, готовясь встрѣтить Новый годъ.

Вернуться домой дѣвочка не рѣшалась: она не заработала ни одной копейки, и отецъ, конечно, станетъ бить... Да и не весело дома! Вѣтеръ дуетъ во всѣ щели, какъ ни старались ихъ заткнуть соломой и тряпками; мать и отецъ голодные, сердитые...

Что же дѣлать?

Въ отчаяніи дѣвочка опустилаcя на землю и, поджавъ подъ себя окоченѣвшія ножки, прислонилась къ холодной стѣнѣ за выступомъ одного дома.

Боже, какъ ей холодно!

Какъ согрѣться? Внезапно она вспомнила про спички. Вѣдь если зажечь одну, только одну—это не будетъ за-

мѣтно, а между тѣмъ, какъ хорошо погрѣтъ она свои иззябшія руки!

И вотъ она рѣшается... Дрожащими пальцами чиркаетъ одну спичку и, загораживая пламя рукой, съ наслажденіемъ чувствуетъ его теплоту. Какъ хорошо!.. Дѣвочкѣ кажется, что она сидитъ передъ большой желѣзной печкой, которая такъ славно грѣтъ... Ей хочется протянуть къ огню и ноги, чтобы согрѣтъ ихъ, но... огонь гаснетъ, печки больше нѣтъ, и въ рукахъ остается только обгорѣлый конецъ спички.

И снова темно и холодно, ужасно холодно! Она зажигаетъ еще спичку. Пламя падаетъ на стѣну, и стѣна становится вдругъ прозрачной. Дѣвочка ясно видитъ большую, красивую комнату. Посрединѣ столъ, а на немъ вкусныя, вкусныя кушанья... Вотъ и гусь, начиненный черносливомъ и яблоками. Какъ хорошо онъ пахнетъ!.. И вдругъ гусь прыгаетъ со стола и бѣжитъ прямо, прямо къ ней... Но... спичка гаснетъ, и нѣтъ больше красивой комнаты! Передъ дѣвочкой опять толстая и холодная стѣна.

Еще спичка. Елка; огромная, великолѣпная елка, лучше той, которую она видѣла сегодня, заглянувъ въ окно богатой квартиры.

Сколько сластей на елкѣ, какія игрушки, картины! Сколько огоньковъ!

Дѣвочка протягиваетъ къ нимъ руки, но огоньки начинаютъ подниматься все выше и выше...

Вотъ они становятся яркими звѣздочками, и одна изъ нихъ быстро катится внизъ, оставляя за собой огненный слѣдъ...

„Это умеръ кто-то...“, — подумала дѣвочка: — „покойная бабушка всегда мнѣ говорила, что, если падаетъ звѣздочка, — значитъ чья-то душа идетъ къ Богу...“

Она зажигаетъ еще спичку. При яркомъ свѣтѣ пламени вдругъ появляется бабушка, вся озаренная

сіяніемъ и такая величественная и ласковая!.. Милая, добрая бабушка!..

— Бабушка, возьми меня съ собой!—кричитъ дѣвочка.—Возьми! Я знаю, ты уйдешь, какъ только погаснетъ епичка; уйдешь, какъ ушла теплая печка, какъ исчезъ жареный гусь и чудесная, нарядная елка!..

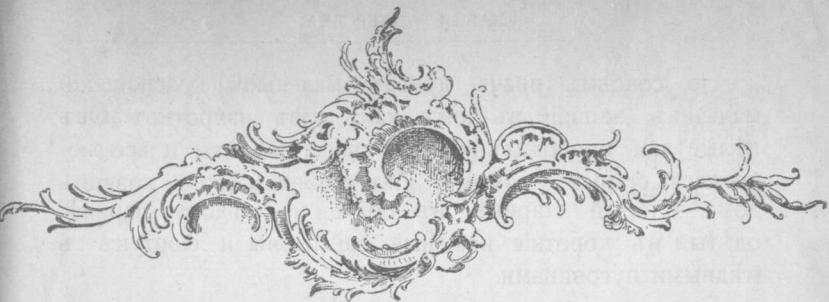
И торопясь удержать бабушку, дѣвочка чиркаетъ сразу всей пачкой. Спички вспыхиваютъ, и становится такъ свѣтло, какъ днемъ. Бабушка тутъ, она не ушла. Вотъ она, красивая и добрая, ласково протягиваетъ къ дѣвочкѣ свои руки, нѣжно беретъ ее и несетъ высоко, высоко,—туда, гдѣ нѣтъ ни холода, ни голода, ни страха!..

А на другой день, раннимъ утромъ, люди нашли дѣвочку мертвой. Она сидѣла въ уголкѣ за выступомъ дома и держала въ рукѣ обгорѣлую пачку спичекъ.

— Она хотѣла погрѣться бѣдняжка!—говорили люди.

Но никто не зналъ, какія хорошія вещи она видѣла и какъ радостно встрѣтила съ бабушкой Новый годъ!

Старый домъ.

Въ одной городской улицѣ стоялъ старый домъ.

Онъ былъ выстроенъ лѣтъ триста назадъ, о чемъ можно было узнать изъ надписи на одномъ изъ карнизовъ.

Домъ былъ украшенъ старинной рѣзбой, изображавшей тюльпаны и вьющійся хмѣль, а надъ окнами красовались странныя рожи, дѣлающія всевозможныя гримасы.

Домъ былъ въ нѣсколько этажей, при чемъ верхній этажъ сильно выдавался впередъ.

Подъ крышей шла водосточная труба, изображающая дракона, изъ открытой пасти котораго должна была стекать дождевая вода.

На самомъ дѣлѣ вода текла изъ живота, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ была дыра.

Всѣ остальные дома на этой улицѣ были совсѣмъ новенькіе и чистенькіе; стѣны у нихъ были ровныя и прямыя, окна большія, украшеній не было никакихъ.

Домики эти не имѣли ничего общаго со старымъ домомъ и были очень недовольны такимъ сосѣдствомъ.

Они часто ворчали:

— Долго ли тутъ будетъ торчать это старое чучело?! Выступъ его мѣшаетъ смотрѣть вдоль улицы, лѣстница черезчуръ высока и широка, украшенія—безполезны, а ужъ эти рожи надъ окнами,—можетъ ли быть что-нибудь безобразнѣе?!

Но совсѣмъ иначе думалъ маленькій краснощекій мальчикъ, жившій въ домѣ какъ разъ напротивъ. Онъ цѣлые дни проводилъ у окна своей комнаты и все любовался старымъ домомъ. Интересовалъ его и хозяинъ дома,—старый старикъ, въ большомъ сѣдомъ парикѣ, одѣтый въ короткіе кожаные панталоны и сюртукъ съ мѣдными пуговицами.

Старикъ этотъ жилъ въ домѣ одинъ и только по утрамъ каждый день приходилъ къ нему ненадолго другой старикъ, чтобы прибрать комнаты и приготовить обѣдъ. Вечера же хозяинъ дома проводилъ всегда одинъ-одинешенекъ.

Иногда онъ подходилъ къ окнамъ, чтобы посмотреть, что дѣлается на улицѣ; мальчикъ, сидящій у окна противоположнаго дома,—кланялся ему; кланялся и старикъ. Такъ завязалось знакомство.

Разъ ребенокъ услышалъ, какъ мать говорила отцу:

„А не дурно бы жилось этому старику, если бъ не былъ онъ такъ одинокъ! Вѣчно-то онъ одинъ, бѣдняга!..“

И жалость закралась въ сердце мальчика.

Въ ближайшее воскресенье онъ завернулъ что-то въ бумажку и вышелъ къ воротамъ.

Когда мимо проходилъ слуга, онъ остановилъ его и съ робкой улыбкой сказалъ:

— Послушайте! Передайте пожалуйста, этотъ свертокъ старому господину. Тутъ солдатикъ. У меня ихъ два,—а старый господинъ такъ одинокъ!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ слуга, и взялъ солдатика.

А спустя нѣсколько дней мальчикъ былъ приглашенъ въ тотъ самый старый домъ, которымъ такъ любовался.

За нимъ пришелъ слуга и, отпущенный родителями, мальчикъ съ радостью и волненіемъ отправился въ гости.

Металлическіе шарикі на перилахъ лѣстницы блестя такъ ярко, какъ-будто ихъ только что вычистили. Рѣзные трубачи надъ дверями, казалось, изо всѣхъ силъ трубили: „Тра-та та, вотъ и мальчикъ идетъ! Тра-та-та!..“

Мальчикъ прошелъ по коридору, стѣны котораго были увѣшаны портретами рыцарей и дамъ,—при чемъ рыцари звенѣли своими доспѣхами, а дамы шуршали великолѣпными платьями; потомъ онъ поднялся по широкой лѣстницѣ и очутился на террасѣ, густо увитой зеленью. Терраса больше походила на садъ, чѣмъ на террасу,—такъ много было на ней всевозможныхъ цвѣтовъ; даже изъ щелей пола всюду пробивалась зелень. Отсюда онъ прошелъ въ большую красивую комнату. Она была уставлена старинными стульями съ богатой рѣзьбой. Стулья были очень любезны, всѣ приглашали садиться, но при этомъ отъ старости кряхтѣли и жалобно скрипѣли: „Ой, ой,—какъ болятъ у насъ кости, какая ломота отъ ревматизма!..“

Эта комната была обита свиной кожей съ золотымъ тисненіемъ. Золотыя буквы составляли надпись, и мальчикъ прочелъ:

Когда позолота сотрется,
Одна лишь кожа остается!

Въ слѣдующей комнатѣ мальчикъ увидалъ, наконецъ, старика хозяина.

— Я очень радъ тебя видѣть,—сказалъ старикъ.— Спасибо тебѣ за солдатику, спасибо за то, что пришелъ ко мнѣ самъ.

— Такъ, такъ,—заскрипѣли всѣ столы, стулья и кресла, которые были въ комнатѣ.

Имъ такъ хотѣлось взглянуть на мальчика, что они лѣзли другъ на друга и загромождали комнату.

Надъ столомъ висѣлъ портретъ красивой молодой дамы съ милой, ласковой улыбкой.

Она такъ понравилась мальчику, что онъ тотчасъ же спросилъ:

— Гдѣ ты взялъ этотъ портретъ?

— Я купилъ его въ лавкѣ, гдѣ продаются старыя вещи,—отвѣчалъ старикъ.— Даму эту я зналъ—давно, давно... Теперь ея ужъ нѣтъ на свѣтѣ!..

Подъ портретомъ, за стекломъ, висѣлъ маленький букетикъ сухихъ цвѣтовъ,—они были тоже очень стары! Тутъ же были и старинные часы. Маятникъ, не переставая, качался туда и сюда, а стрѣлка отсчитывала минуты.

И съ каждой минутой, все въ комнатѣ становилось старѣе и старѣе. Но никто этого не замѣчалъ.

— Мама говорила, что ты ужасно одинокъ,—сказалъ мальчикъ.

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ старикъ,—ко мнѣ часто приходятъ воспоминанія и приводятъ съ собой множество знакомыхъ, милыхъ лицъ... Нѣтъ, я не одинъ.

Чтобы доставить удовольствіе гостю, старикъ далъ ему смотрѣть большую книгу съ картинками, а самъ пошелъ въ другую комнату за лакомствами и фруктами.

Мальчикъ любовался старинными гравюрами, изображавшими процессіи, зданія, сцены,—и вдругъ услышалъ громкій, рѣзкій голосъ:

— Не могу я больше оставаться здѣсь, рѣшительно не могу! Это выше моихъ силъ! Если бъ ты только зналъ, какъ здѣсь скучно и печально!

Мальчикъ оглянулся и увидалъ своего солдатика, который стоялъ на сундукѣ и горько жаловался.

— Я привыкъ у васъ къ семейной обстановкѣ,—говорилъ онъ,—привыкъ слушать пріятные разговоры, смотрѣть на веселую возню дѣтей. Бывало, не замѣтишь, какъ и день пройдетъ, а здѣсь—конца ему нѣтъ! Старый хозяинъ всегда, всегда одинъ!..

— Ты думаешь, его кто-нибудь цѣлуетъ? Говорить съ нимъ ласково? Заботится о немъ? Бываетъ у него елка? Дѣлаютъ ему подарки?—Никто никогда! Это ужасно! Силъ моихъ больше нѣтъ выносить эту пытку!..

— Ну, полно, полно,—сказалъ мальчикъ,—право же здѣсь очень хорошо! И хозяинъ вовсе не одинъ,—вѣдь бываютъ же у него воспоминанія и приводятъ съ собой такъ много знакомыхъ лицъ.

— Ну, я что-то не видалъ ихъ!—проворчалъ солдатикъ недовольнымъ тономъ.

Въ эту минуту вошелъ хозяинъ съ цѣлымъ подносомъ всевозможныхъ лакомствъ,—и мальчикъ совсѣмъ забылъ о солдатикѣ.

Домой онъ вернулся вполне довольный и весело рассказывалъ своимъ о томъ, что видѣлъ въ старомъ домѣ.

Спустя нѣкоторое время онъ опять пошелъ къ старику.

Трубачи снова трубили „Тра - та - та! мальчикъ идетъ, тра та-та!“ Рыцари звенѣли доспѣхами, дамы шуршали платьями; мебель скрипѣла и жаловалась на ревматизмъ,—однимъ словомъ, все было такъ же, какъ и въ первый разъ.

А когда мальчикъ остался наединѣ съ солдатикомъ, который продолжалъ стоять на сундукѣ, онъ услышалъ отъ него еще болѣе горячія жалобы на судьбу.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ солдатикъ,—я не могу больше жить здѣсь! Я сталъ даже плакать оловомъ... Какая здѣсь тоска! Пусть лучше пошлютъ меня на

войну, отрубать руку, ногу,—лучше это, чѣмъ проводить день за днемъ безъ всякихъ перемѣнъ. А съ воспоминаніями я тоже познакомился,—они приходили и ко мнѣ, только отъ этого ничуть не легче, напротивъ,—еще тяжелѣе. Благодаря воспоминаніямъ, я теперь часто какъ-будто вижу всѣхъ васъ. Вы стоите передо мной, какъ живые,—и мнѣ такъ хочется опять къ вамъ, въ вашу милую семью,—что я едва не умираю съ тоски... Расскажи мнѣ что-нибудь о своихъ, о малюткѣ Манѣ. А что мой товарищъ солдатикъ,—онъ все еще у тебя? Боже, какъ я ему завидую! Нѣтъ, какъ хочешь,—я долженъ уйти отсюда, я больше не могу!...

— Но вѣдь я подарилъ тебя,—серьезно возразилъ мальчикъ,—понимаешь,—отдалъ тебя совсѣмъ старому господину, и ты долженъ оставаться здѣсь.

Въ это время вошелъ въ комнату старикъ, хозяинъ и принесъ много разныхъ диковинокъ: тутъ были шкатулочки, ящички, флакончики, старинныя карты... Мальчикъ съ интересомъ разсматривалъ каждую вещь и особенно любовался картами, которыя были сплошь расписаны золотомъ.

Потомъ старикъ сѣлъ за клавикорды и подъ тихіе, дребезжащіе звуки этого инструмента запѣлъ грустную, заунывную пѣсенку...

Этого уже не могъ вынести солдатикъ; онъ вдругъ пронзительно крикнулъ: „Пошлите меня на войну, на войну!“—и свалился на полъ.

Старикъ и мальчикъ принялись искать его, но какъ ни старались,—найти не могли. Солдатикъ упалъ въ щель и тихо лежалъ тамъ, какъ въ открытой могилѣ.

Настала зима. Стекла оконъ покрылись морозными узорами, и мальчику трудно было смотрѣть на старый домъ,—приходилось каждый разъ дыханіемъ оттаивать хоть маленькое отверстіе.

Старый домъ стоялъ весь бѣлый отъ снѣга; занесло и террасу, и лѣстницу.

И вотъ какъ-то разъ подъѣхали къ дому длинныя дроги; на нихъ поставили гробъ и увезли на кладбище: старикъ умеръ. За гробомъ никто не шелъ,—всѣ друзья старика давно уже умерли. Мальчикъ мысленно простился со своимъ пріятелемъ и послалъ ему воздушный поцѣлуй.

Черезъ нѣсколько дней всѣ вещи въ домѣ были распроданы, а весной сломали и самый домъ. На его мѣстѣ выстроили новый,—съ прямыми, ровными стѣнами и большими одинаковыми окнами. Передъ домомъ развели садъ и окружили его рѣшеткой.

Прошло много лѣтъ.

Мальчикъ выросъ, сталъ солиднымъ человекомъ, женился и съ молодой женой переѣхалъ какъ разъ въ тотъ новый домъ, который былъ выстроенъ на мѣстѣ стараго.

Было лѣто. Однажды мужъ и жена были въ саду. Жена сажала въ клумбу цвѣты, а мужъ смотрѣлъ.

Вдругъ молодая женщина вскрикнула,—ей что-то укололо руку: изъ земли торчалъ маленькій оловянный солдатикъ.

Женщина вынула его и обтерла носовымъ платкомъ.

Солдатикъ тотчасъ очнулся отъ обморока.

— Дай-ка взглянуть,—сказалъ мужъ.—По всей вѣроятности, это не тотъ солдатикъ, но все же онъ напоминаетъ мнѣ одну трогательную исторію изъ далекихъ дней милаго дѣтства.

И онъ разсказалъ женѣ про старый домъ, про его одинокаго хозяина и про то, какъ маленькій мальчикъ подарилъ бѣдному старику своего оловяннаго солдатика.

— А, можетъ-быть, это тотъ самый солдатикъ,—ска-

зала жена,—я спрячу его на память. Да, грустно быть одинокимъ!—прибавила она, глубоко вздохнувъ.

— Да, да, ужасно быть одинокимъ!—закричалъ вдругъ солдатикъ,—но какое счастье узнать, что тебя не забыли!

— Счастье!—тихо повторилъ чей-то голосъ; такъ тихо, что кромѣ солдатика его никто не услышалъ.

Это говорилъ лоскутокъ свиной кожи, которой когда-то были обиты стѣны стараго дома. Вся позолота съ него давно сошла, и онъ былъ похожъ просто на кусокъ земли. Но у него было свое мнѣніе, и онъ сказалъ:

„Когда позолота сотрется,—
Одна лишь кожа остается!“

Бронзовый кабанъ.

Въ городѣ Флоренціи, недалеко отъ площади Великаго Герцога, есть узенькій переулокъ, а въ немъ стоитъ сдѣланный изъ бронзы кабанъ; изъ пасти кабана постоянно льется чистая, холодная вода.

Кабанъ давно позеленѣлъ отъ времени, но морда его блеститъ, какъ полированная, такъ какъ сотни дѣтей и взрослыхъ охватываютъ ее руками, чтобы, приставивъ ротъ къ пасти животного, утолить жажду свѣжей водой.

Всякому пріѣзжему легко найти это мѣсто,—бронзоваго кабана укажетъ каждый нищій.

Былъ свѣтлый лунный вечеръ.

Въ герцогскомъ саду, подъ высокими пиннами цѣлый день просидѣлъ маленькій оборванный мальчикъ. Ему никто не подаль ни копейки, и бѣдняжка жестоко страдалъ отъ голода.

Между тѣмъ настала пора запирать садъ и сторожъ выгналъ мальчугана за ограду.

Долго простоялъ онъ на мосту, который ведетъ черезъ рѣчку Арно, и любовался яркими звѣздами, отраженными въ водѣ, а потомъ тихо побрелъ къ кабану. Охвативъ ручонками блестящую морду кабана мальчикъ жадно глоталъ холодную воду, пока не уто-

лилъ жажды. Тутъ же на площади онъ нашелъ нѣсколько листочковъ салату и пару каштановъ,—это со ставило его обѣдъ.

На площади не было ни души. Мальчуганъ смѣло взобрался на спину кабана; обхвативъ ручонками его шею, онъ склонился кудрявой головой на морду животнаго и мигомъ заснулъ.

Въ полночь кабанъ зашевелился и неожиданно сказалъ:

— Ну, мальчикъ, держись крѣпче, я сейчасъ побѣгу!

И они помчались.

Прежде всего они прибѣжали на площадь Великаго Герцога, гдѣ стояла его конная статуя, и когда поравнялись съ этой статуей, лошадь подъ герцогомъ вдругъ заржала, а гербы на ратушѣ засвѣтились, словно транспаранты. И вдругъ ожили статуи: „Давидъ“, работы Микель Анджело, замахалъ пращею, а среди группы, изображавшей „похищеніе сабинянокъ“, пронесся громкій, отчаянный крикъ.

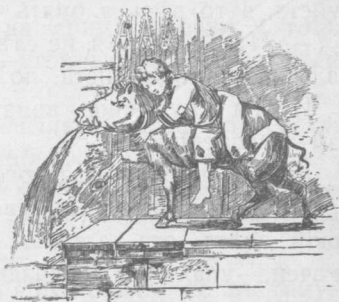
Они мчались дальше.

Возлѣ дворца дельи-Уффицы, гдѣ во время карнавала собирается вся знать, кабанъ вдругъ остановился.

— Ну, держись теперь еще крѣпче,—сказалъ онъ,—мы станемъ подниматься по лѣстницѣ.—И они быстро побѣжали вверхъ.

Мальчикъ дрожалъ отъ страха и восторга; все время путешествія онъ не промолвилъ ни словечка.

Вотъ они и въ галлерей.

Она была знакома мальчику, онъ бывалъ въ ней раньше. Что за красота, что за великолѣпіе царило въ этихъ залахъ! Бронзовый кабанъ шагъ за шагомъ обошелъ ихъ всѣ, и мальчикъ могъ хорошо рассмотреть всѣ сокровища галлерей.

Стѣны были увѣшаны картинами, повсюду стояли великолѣпныя статуи, и все было освѣщено яркимъ солнцемъ, какъ-будто это былъ ясный лѣтній день.

Мальчикъ былъ въ полномъ восторгѣ.

— Кабанъ, милый кабанъ,—сказалъ онъ наконецъ,—спасибо тебѣ! Какъ все это прекрасно!..

— А я благодаренъ тебѣ,—отвѣтилъ кабанъ.—Ты знаешь, я получаю способность бѣгать только тогда, когда на спину мнѣ садится ребенокъ. Не слѣзай, пожалуйста, а то вѣдь я опять стану неподвижнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не слѣзу, дорогой кабанъ,—сказалъ мальчикъ,—пожалуйста, поѣдемъ еще!

И они спустились внизъ и снова помчались по улицамъ Флоренціи.

Вотъ и церковь Святого Креста.

Огромныя входныя двери быстро распахнулись, и яркій свѣтъ отъ алтаря, на которомъ горѣли тысячи свѣчей,—упалъ на площадь. Внутренность церкви была хорошо освѣщена, и мальчикъ съ интересомъ сталъ ее разглядывать.

По стѣнамъ стояли гробницы. Отъ одной изъ нихъ шелъ какой-то особенный свѣтъ, словно она была окружена звѣздами. На гробницѣ изображена красная пылающая лѣстница на голубомъ фонѣ. Это была гробница Галлилея. Огненная лѣстница имѣетъ значеніе: она изображаетъ тотъ путь, которымъ идутъ къ безсмертію всѣ люди науки и искусства.

Подъ колоннадой видны были статуи: вотъ Микель-Анджело, вотъ Данте, Макиавелли, Альфіери,—все великіе люди Италіи, ея гордость и слава.

И вдругъ мальчику показалось, что статуи ожили. Высоко поднявъ головы, онѣ стали смотрѣть на сіяніе, исходящее изъ алтаря, а ихъ одежды тихо, тихо шевелились. По церкви пронеслось сильное благоуханіе,—это мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ стали кадить изъ золотыхъ кадилаицъ.

Заиграла музыка и, вмѣстѣ съ торжественнымъ пѣніемъ, огласила площадь.

Мальчикъ въ восторгѣ протянулъ руки къ алтарю, но въ тотъ же мигъ кабанъ помчался, и пришлось крѣпко схватиться за его шею.

Вотъ заскрипѣли затворяемыя двери, засвистѣлъ рѣзкій вѣтеръ. Мальчику стало холодно, онъ задрожалъ и—открылъ глаза.

Что же это? Онъ сидитъ на спинѣ кабана, а тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало,—стоитъ себѣ на площади, на старомъ мѣстѣ.

Съ ужасомъ вспомнилъ мальчикъ о той, кого звалъ матерью: она послала его собирать милостыню, а у него нѣтъ ни копейки. Но итти домой необходимо, тѣмъ болѣе, что сильный голодъ давалъ-таки себя знать.

Мальчикъ обнялъ кабана и поцѣловалъ его въ самую морду, а потомъ слѣзъ и тихонько побрелъ въ одну изъ самыхъ узкихъ улицъ города.

Дойдя до своего дома и поднявшись по грязной каменной лѣстницѣ со шнурками вмѣсто перилъ, онъ вошелъ въ галерею, гдѣ по всѣмъ направленіямъ было развѣшано разное тряпье, и сталъ подниматься еще выше, по узкой кирпичной лѣсенкѣ. Навстрѣчу ему сбѣжали два матроса и чуть не сшибли его съ ногъ, а за ними показалась уже не молодая, но еще очень красивая женщина.

— Много ли принесешь?—спросила она.

— Не сердись, мама, у меня ничего нѣтъ,—отвѣ-

тилъ мальчикъ и, схвативъ платье матери, со слезами сталъ цѣловать его.

Женщина грубо втолкнула его въ комнату и еще разъ спросила:

— Такъ-таки ничего, ни копейки?

Мальчикъ заплакалъ. Она больно ударила его ногой. Онъ закричалъ отъ боли и страха.

— Да замолчишь ли ты, проклятый!—крикнула мать со злобой.—Замолчи сейчасъ, или я оторву тебѣ голову!..

Она замахнулась грѣлкой, которую держала въ рукахъ. Бѣдняга съ ужасомъ пригнулся къ землѣ.

Въ комнату вошла сосѣдка.

— Фелисита, что ты дѣлаешь съ ребенкомъ?—сказала она.—Ну, можно ли такъ мучить дитя?

— Оставь, пожалуйста,—сказала Фелисита.—Ребенокъ мой, и я могу дѣлать съ нимъ все, что хочу. Я могу даже убить его, да и тебя вмѣстѣ съ нимъ!.. И она замахнулась грѣлкой. Сосѣдка подняла свою. Горшки столкнулись, угли и зола посыпались во всѣ стороны. Бѣдный ребенокъ въ ужасѣ бросился къ двери и, отворивъ ее, выбѣжалъ на улицу.

Едва переводя духъ, онъ добѣжалъ до той церкви, гдѣ ночью былъ съ кабаномъ, и, припавъ къ гробницѣ Микель-Анджело, громко зарыдалъ.

Шла обѣдня. Люди входили и уходили. Никто не обращалъ вниманія на плачущаго ребенка; только одинъ пожилой человекъ остановился около него, но и онъ, поглядѣвъ на мальчика съ жалостью, пошелъ своей дорогой.

Долго рыдалъ мальчуганъ, но, наконецъ, обезсилѣвъ отъ голода и жажды, заползъ за гробницу и прижавшись къ стѣнкѣ, крѣпко заснулъ.

Проснулся онъ только вечеромъ, когда почувствовалъ, что кто-то толкаетъ его. Это былъ тотъ же по-

жилой человѣкъ, который утромъ былъ въ церкви и обратилъ вниманіе на горькія слезы ребенка.

— Почему ты цѣлый день здѣсь, дитя мое?—спросилъ онъ ласково.—Ты боленъ? Гдѣ ты живешь?

Мальчикъ довѣрчиво разсказалъ старику о своемъ горѣ, и тотъ повелъ его съ собой, въ маленькій домикъ недалеко отъ церкви. Тамъ была перчаточная мастерская, въ нее они и вошли.

Пожилая женщина сидѣла за столомъ и шила, а по столу бѣгала крошечная бѣлая болонка, такъ коротко остриженная, что сквозь шерсть вездѣ просвѣчивало розовое тѣльце. Болонка бросилась къ мальчику и стала ласкаться.

— Невинныя души всегда признають другъ-друга,—сказала женщина и погладила и собачку и мальчика.

Добрые люди накормили мальчика и уложили спать. Старикъ рѣшилъ на другой день разыскать мать ребенка и серьезно поговорить съ ней.

Мальчуганъ чувствовалъ себя вполне счастливымъ и крѣпко проспалъ всю ночь. Во снѣ онъ видѣлъ статуи, картины и бронзоваго кабана.

Утромъ старикъ ушелъ, а мальчуганъ затосковалъ: ему такъ не хотѣлось уходить отсюда, опять на голодъ и побои! Онъ ласкалъ болонку, Беллисиму, и съ грустью ждалъ возвращенія дѣдушки Джузеппе. Наконецъ, тотъ вернулся и о чемъ-то долго бесѣдовалъ съ женой.

Потомъ они подозвали мальчугана и сказали ему, что онъ пока остается у нихъ.

— У тебя чудесные длинные пальцы,—сказала женщина,—изъ тебя выйдетъ прекрасный перчаточникъ.

И мальчикъ остался у нихъ. Его учили шить перчатки: обращались съ нимъ ласково, хорошо кормили и давали много времени на игры и прогулки. Онъ очень пополнѣлъ, поздоровѣлъ и сталъ веселымъ, бойкимъ

мальчуганомъ, который не прочь былъ и пошалить, особенно съ Беллисимой.

Однажды мимо перчаточной проходилъ художникъ. Онъ несъ ящикъ съ красками и холстъ, накатанный на палку.

— Помоги-ка сеньору,—сказала хозяйка,—понеси ему ящикъ.

И мальчуганъ отправился съ художникомъ. Они пришли въ ту самую картинную галерею, въ которой мальчикъ былъ ночью съ кабаномъ; всѣ картины и статуи показались ему теперь еще лучше.

Художникъ устави́лъ свой мольбертъ противъ картины, изображавшей Христа, нисходящаго въ преисподнюю и окруженнаго улыбающимися дѣтьми, крѣпко вѣрящими въ свое спасеніе. Посмотрѣлъ мальчикъ на эту картину и самъ сталъ улыбаться, чувствуя себя на небѣ отъ счастья.

— Ты можешь теперь итти домой,—сказалъ художникъ.

— Позвольте мнѣ посмотрѣть, какъ вы будете рисовать.

— Я не буду сейчасъ писать красками,—отвѣтилъ художникъ,—и, взявъ углевый карандашъ, легко и быстро сдѣлалъ эскизъ Христа. Мальчуганъ жадно слѣдилъ за его работой.

— Ну, иди же домой!—повторилъ художникъ. Пришлось вернуться въ мастерскую и засѣсть за перчатки.

Работа не спорилась: мальчикъ то и дѣло кололъ иголкой пальцы и неотступно думалъ о галлерей и ея богатствахъ.

Вечеромъ онъ выскользнулъ на улицу и побѣжалъ прямо къ кабану.

Было очень холодно, но на безоблачномъ небѣ ярко сіяли крупныя звѣзды.

— Какъ я соскучился о тебѣ, милый кабанъ,—ска-

залъ мальчикъ, цѣлуя большую, блестящую морду, изъ которой струилась чистая, свѣжая вода.

— Намъ нужно опять покататься, мнѣ такъ хочется!..

И мальчуганъ поудобнѣ усьлся на спину кабана, заранѣ радуясь предстоящей прогулкѣ. Какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то тянетъ его за платье.

Онъ оглянулся и увидалъ маленькую голенькую Беллисиму. Очевидно, она выбѣжала за нимъ, а онъ и не замѣтилъ этого.

— Боже мой! Беллисима на улицѣ ночью, въ такой морозъ и не одѣта!..

Мальчикъ зналъ, что болонку никогда не выпускаютъ на улицу безъ теплой попонки изъ мѣха и страшно испугался.

— Что теперь будетъ? Она простудится, умретъ.

— Что сдѣлаютъ съ нимъ ея хозяева?

И мальчуганъ быстро слѣзъ съ кабана, еще разъ поцѣловалъ его на прощанье, схватилъ Беллисиму и во весь духъ пустился домой.

— Куда ты бѣжишь? Что несешь?—вдругъ остановили его жандармы. Беллисима залаяла.

— Гдѣ взялъ ты такую хорошенькую собачку? Наверное, укралъ.

И жандармы отняли болонку.

— Отдайте, отдайте мнѣ Беллисиму, — умолялъ мальчикъ. — Это моя собачка, я нигдѣ не бралъ ее!..

Но жандармы ничего не хотѣли слушать и унесли Беллисиму.

— Если ты говоришь правду, пусть твои родители или хозяева придутъ за собачкой на гауптвахту, — сказали они, уходя.

— Что дѣлать?

— Итти топиться, или вернуться домой и все рассказать?

Но какъ страшно возвращаться,—вѣдь Беллисимы нѣтъ, и какъ онъ скажетъ объ этомъ хозяйкѣ?

И все же онъ пошелъ домой и все рассказалъ.

Поднялась страшная суматоха. Особенно волновалась хозяйка.

Беллисима, нѣжное, голенькое созданье, ночью, въ морозъ и на гауптвахтѣ!

Дядя Джузеппе тотчасъ отправился за собачкой, а къ хозяйкѣ сбѣжались сосѣдки и всѣ стали охать и ахать.

Пришелъ и художникъ. Онъ посадилъ мальчугана къ себѣ на колѣни и, расспрашивая о Беллисимѣ, скоро узналъ всю исторію о бронзовомъ кабанѣ и о поѣздкѣ въ картинную галлерей.

Художникъ утѣшалъ мальчугана и заступался за него передъ хозяйкой, но она успокоилась только тогда, когда Джузеппе вернулся съ болонкой на рукахъ.

Беллисима была здорова и весела,—и всѣ радовались ея возвращенію.

Художникъ, уходя, подарилъ мальчугану цѣлую кучу картинокъ. Затѣмъ взялъ карандашъ и тутъ же на глазахъ нарисовалъ бронзоваго кабана. Кабанъ былъ удивительно хорошъ,—ну, совсѣмъ какъ живой,—и мальчикъ прыгалъ отъ восторга.

— Умѣть такъ рисовать! Боже, какое это счастье!—думалъ онъ.—Если бъ я умѣлъ, весь міръ сталъ бы моимъ, я весь его перенесъ бы на бумагу!.. И онъ сталъ пробовать. Прежде всего онъ постарался нарисовать кабана. Ничего,—кабанъ вышелъ кабаномъ, хотя у него и была одна нога толще другихъ, и весь онъ былъ немножко кривой; все же это былъ несомнѣнно бронзовый кабанъ.

Радости мальчика не было границы! На другой день, улучивъ свободную минутку,—онъ опять нарисовалъ кабана; этотъ былъ гораздо лучше; наконецъ, третьяго,—третій былъ совсѣмъ хорошъ, такъ что всякій,

взглянувъ на рисунокъ, сразу сказалъ бы, что это срисованъ бронзовый кабанъ, который стоитъ на площади Великаго Герцога.

Съ тѣхъ поръ шитье перчатокъ шло изъ рукъ вонъ плохо; плохо исполнялись и порученія хозяевъ, за то обратныя стороны картинокъ, которыя подарилъ мальчику художникъ, быстро заполнялись всевозможными рисунками.

Флоренція велика, въ ней такъ много красивыхъ вещей,—знай, переноси на бумагу!

На площади делла-Тринита стоитъ красивая колонна; на ея вершинѣ чудесная богиня правосудія съ вѣсами въ рукахъ и съ повязкой на глазахъ,—она тоже попала на бумагу. Но все это были предметы неодушевленные. Мальчику захотѣлось срисовать что-нибудь живое, и вотъ разъ, когда взгляды его упали на прыгавшую болонку,—онъ надумалъ срисовать ее. А такъ какъ Беллисима ни за что не хотѣла стоять смирно, онъ крѣпко привязалъ ее за голову и хвостъ къ столу.

Въ этотъ мигъ вошла хозяйка. Боже, какъ она разсердилась!

— Безбожный мальчишка,—кричала она въ гнѣвѣ,—бѣдная, несчастная собачка!

Она отвязала Беллисиму, покрыла ее поцѣлуями и слезами, а мальчика грубо вытолкнула въ дверь и совсѣмъ запретила ему возвращаться въ мастерскую...

Въ 1834 г. во Флоренціи была выставка картинъ. Особенное вниманіе посѣтителей привлекали двѣ картины, висѣвшія рядомъ; онѣ были написаны однимъ художникомъ.

Одна изъ картинъ изображала маленькаго веселаго мальчика, который пытается сдѣлать рисунокъ съ крошечной болонки, туго привязанной за хвостъ и голову къ столу.

На другой—тотъ же мальчуганъ крѣпко спитъ на спинѣ бронзоваго кабана, нѣжно обхвативъ ручонками его шею.

Обѣ картины поражали красотой и талантомъ. Рассказывали, что авторъ этихъ картинъ былъ найденъ еще ребенкомъ на одной изъ улицъ Флоренціи какимъ-то перчаточникомъ и, занимаясь шитьемъ перчатокъ, самоучкой научился рисовать. Желая срисовать любимую болонку хозяйки, онъ туго привязалъ ее къ столу, и за это былъ снова выгнанъ на улицу. Здѣсь нашелъ его одинъ знаменитый художникъ и, пріютивъ, далъ ему возможность учиться живописи.

На углу роскошной золотой рамы второй картины былъ повѣшенъ лавровый вѣнокъ. Между листьями виднѣлся черный флеръ, и длинныя траурныя ленты грустно спускались до полу.

Авторъ картины умеръ незадолго до выставки.

25587

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

